

18+

Елена Свитова

А ПОКОРОЧЕ?..

рассказы

Елена СВИТОВА

А покороче?.. Рассказы

«Издательские решения»

Свитова Е.

А покороче?.. Рассказы / Е. Свитова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510752-7

В этой книге собраны миниатюры, написанные автором в разное время в разных местах и обстоятельствах. Они все — про нее, они все — она, как это водится в мире людей.

ISBN 978-5-00-510752-7

© Свитова Е.
© Издательские решения

Содержание

Роботик	6
Зубная фея	7
Изумительно!	8
«...Но без тебя!»	9
Рыбонька	10
Иль Си Яр	11
Еще раз о козочках	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

А покороче?.. Рассказы Елена Свитова

© Елена Свитова, 2020

ISBN 978-5-0051-0752-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Короче, Склифософский!» – говорил мне папа всю жизнь, с детства. А я была и осталась велеречивой. Такая моя беда, видимо! Но иногда я стараюсь выглядеть понятной и краткой.

Хотя краткость не подразумевает понятности априори.

Вот как эта предыдущая фраза, скажем.

Но иногда мне удается писать по-простому.

Хотя бы жанр – он определяет форму.

Рассказы и эссе, предлагаемые мной благодарной публике, да завоюют признание и внимание широких масс.

Спасибо – и приятного чтения!

Роботик

Они переглянулись. Мама всплеснула руками, наблюдая, как Владик кувыркается на кольцах и падает вниз, на разбросанные подушки, игрушки, брючки и прочую мягкую подстилку: – Тебе уже десять лет, а ты как маленький! Кузнечик, – с нежностью добавила она, потрепав подбежавшего сына по кудряшкам. – Мам, нет, я не кузнечик! А человек вообще-то. Папа потянулся в кровати: – Да какой ты человек, ты же роботик. Мама хмыкнула, а Владик насторожился: – Какой это я роботик? Они не растут, во-первых... – Да ладно, мы тебя возим время от времени апгрейдить, вот ты и растешь! – Но ведь смотри, у меня все человеческое, – упрямо настаивал не принимавший юмора Владик, – и руки, и живот – то пустой, то полный, когда я ем много чипсиков или сырков... – Во-во, – вскинул вверх палец папа под мамин смех, – ешь, как робот, одно и то же: слишком сладкое или слишком соленое, и не уговоришь тебя на котлеты и прочие каши. Владик насупился: – Но я же у доктора был, он меня щупал, и он бы заметил, если бы что-то было не так! Папа и от этого резонного объяснения отмахнулся: – Этот «доктор» занимается, обслуживанием роботов, и, естественно, не должен подавать виду, что в тебе есть что-то не человеческое. – Хм... – задумался Владик, потом топнул ногой и побрел на кухню, пить водичку.

– Зачем ты его мучаешь? – укоризненно взглянула мама на позевывающего в телефон папу. – Он же не принимает твоих шуточек! Папа смутился, положил телефон и сграбастал вернувшегося и прыгнувшего к нему под бок Владика: – да какие тут шутки? Вот сегодня ночью знаешь, что мне пришлось делать? – Что? – попытался выпутаться из больших папиных лап Владик. Папа вцепился ему в ноги и продолжил громко и весело: – Просыпаюсь, значит, ночью от того, что что-то мне мешает, прямо чувствую, что негде спать-то! А он лежит в позе, в которой танцует, в своей этой, как ее... складке на локоть, что ли, или вот так (папа попытался положить Владикину ногу на другую и закрутить руки, отчего тот смеялся и верещал, чтобы его не щекотали) ... Я уж и так, и эдак его распутывал, еле-еле справился!

Мама смеялась, глядя на возню мальчишек, а потом прогнала Владика в кровать. Он не очень-то любил спать один, поэтому часто прибегал под бочок к родителям и умащивался в середине кровати, чтобы вдоволь потолкаться во сне, приняв всевозможные акробатические позы, о чем и рассказывал сегодня папа. Но сегодня он готов был дать папе отдохнуть – что ж, одной ночи-то хватит, он надеялся... На лестнице, да и потом, умащиваясь наверху – он спал на кровати-чердаке, которую сделал ему папа, – Владик все ворчал, что он никакой не роботик, а живой человек, с руками и ногами, и кровь вот, в ранке, еще просвечивает, а у роботиков никакой крови-то не бывает, пусть бы в фильмах посмотрели, тогда бы не шутили так. После прощального ритуала (поцелуй в каждую щеку и «целование» носиками) мама вышла из комнаты, открыла незаметную крышку в стене, пробежалась пальцами по сенсорного экранчику и, пробурчав про себя: «чего это он взялся ребенку всякой ерундой на ночь голову морочить?», слегка изменила настройки.

Зубная фея

– Вообще-то, когда ты говорила, что Зубная Фея принесет подарок, я и не верила уже давным-давно.

Так, самым что ни на есть ответственным голосом, сообщила двенадцатилетняя Маруся и, развернувшись, захлопнула дверь в свою комнату.

Мама не успела отреагировать на этот выпад. Она подошла к комнате, открыла было рот, чтобы что-то возразить, но передумала, взглянув на хрустальную баночку с первыми волосиками и зубками своей дочки, махнула рукой и пошла на кухню кормить котов.

Ну, или мыть посуду.

А может, белье выкладывать из стиральной машинки.

Пришедшая на кухню Маруся молча шелестела упаковками в холодильнике, передвигая коробки. И мама, обернувшись, ответила ей по начатой в комнате теме:

– Вообще-то я и была всегда Зубной Феей, ты что, не поняла? Играла ее роль.

– Ага, и всегда забывала мне класть подарок под подушку, – засмеялась девочка.

– ... и спохватывалась, сообщая, что Зубная Фея принесла и бросила, где попало, потому что очень спешила, – продолжила мама весело.

– ...или я намекала, что хочу сама себе выбрать подарок в «Детском мире», пусть лучше деньгами даст! – заливалась Маруся.

А потом погрустнела.

– Жаль, что у меня давно зубы не выпадали...

И со вздохом ушла обратно в комнату, держа в руках разогретые тем временем наггетсы.

Мама вздохнула, присела на стул и открыла свою любимую шкатулку с музыкой. Балерина танцевала по зеркальной поверхности шкатулки также плавно и красиво, как много лет назад. Но... ни одного зуба, положенного туда мамой, в шкатулке не оказалось. Наверное, выбросила и забыла, – решила мама, и перед тем, как закрыть шкатулку, взглянула на свою танцовщицу.

Та улыбалась.

Маме показалось, что она ей подмигнула, но сразу отвернулась в своем танце, подняв маленькие фейские ручки. Динь, динь – вот и все...

Мама поставила шкатулку на шкаф, посмотрела в окно, припорошенное сверкающим снегом почти до половины. За метелью не было видно ни санок, ни оленей, ни хрустящего по снегу Снеговика-посыльного. Надо выяснить у дочки, что та думает про деда Мороза, – подумала мама.

А то мало ли, может, и его отменим.

Проще – так, деньгами!

Изумительно!

Когда я беру в руки пилку для ногтей, меня лучше не трогать. Меня и так никто и не трогает: ходят тихонечко; вот Мария зашелестела цветами, пахнула розами, стукнула тихонько вазой по столику... Садовник с извозчиком переглядываются, подают друг другу знаки. Я слышу все, но сосредоточена на ногте. Мой указательный палец левой руки во власти пилки. Я священнодействую. Шик-шик-шик – мне нужно ощутить, как пилка доходит до самого пальца, и завернуть, завернуть... А затем – в другую сторону. Птицы покрикивают рядом. Я на балконе. Слышу, как подходит врач. Он молчит, ждет. Когда мне кажется, что форма ногтя уже прекрасна – «мягкий квадрат», называла это маникюрша в старые времена, – я откладываю пилку и здороваюсь. Врач берет мою руку. – Изумительно! – превозносит он результат. Затем я поднимаюсь, он берет меня под руку, обхватывает за талию – и мы идем. По ступенькам, перешагивая балконный приступок, затем по гостиной – Мария быстро отодвигает стоящий на пути стул – к экипажу.

Мне приятно думать о машине, как об экипаже, о водителе, как об извозчике – что ж, с тех пор как я лишилась одного из органов своих обостренных чувств, а точнее – зрения, могу себе позволить жить в любой реальности. Вот вчера вечером, к примеру, сидела у костра с индейцами. У реки – хотя какая река в этом пустынном городе... Гуляю по своим владениям под руку со служанкой – хотя понимаю, что это не служанка, а наемная работница. Массаж превратился в такое наслаждение, что пришлось договариваться с массажистом об услугах иного характера, о которых и не скажешь в приличном обществе.

Нет, я не говорю, что мне хорошо без глаз. Вот сегодня, к примеру, я еду на операцию. Но я не знаю, принесет ли мне удовольствие то, что я увижу. Я знаю, что я потеряю: владения, индейцев с рекой, служанку...

... Открыв глаза после операции, на второй день, я вижу... птицу. Ту, которая пела мне с балкона, сидя на ветвях ближней розы. Я вижу розы, я вижу Марию, которая выглядит, как я и представляла – хотя и без накрахмаленного фартука, но улыбка такая же испуганно-преданная. Сзади на плечо мне ложится рука мальчика, который делал мне массаж. Я знаю эту руку. Мне большего и не надо, я не стремлюсь увидеть его... всего.

Подношу указательный палец к глазам. Изумительно! Наверное, я продолжу делать маникюр в глазной повязке.

«...Но без тебя!»

– КТО ИДЕТ С СОБАКОЙ?

Каждое утро мы слышим этот вопрос.

Почти каждое – надо сказать, что иногда я сама гуляю с псом, сообщая детям, что ушла, указав одеваться и выходить к машине, чтобы ехать в школу. Но, бывает, наш папа взрывается по этому поводу. По поводу утренней прогулки с собакой, которую завели поперек его желания. Вот и сегодня – дочка по-всякому отпихивается, отмазывается, сын юлит и канит, я молчу, и папа, чертыхаясь и отплеываясь, надевает поводок на прыгающего ему в нос скулящего щенка и выходит, сильно хлопнув дверью. На какое-то время в квартире виснет тишина. Дочь досыпает в своей комнате – или смотрит в телефон, – сын тоже сопит, старший – за закрытой дверью, я мою посуду. Есть у меня такая задача: мыть посуду по утрам. На автопилоте. Наверное, мама так воспитала: войдя на кухню, плестись к раковине. Почему не с вечера? Вопрос... Через десять минут звучит сигнал домофона. Это нормально, думаю я, посматривая в окно: слишком долго в такую снежную и ветренную погоду гулять никто не будет. Хлопает дверь. И слышится смятенный голос мужа: – Я убил Масика. Будничный такой, обычный голос. Возвещающий о том, что он убил собаку – как, к примеру, просит принести мусор из кухни, или зовет меня взять пса и мыть ему лапы после беготни того по слякоти. Также буднично я отвечаю: – Ты шутишь? – Нет. Я выключаю воду и кидаюсь в коридор, повторяя: – Ты шутишь? О, нет, ты, наверное, пошутил так! Я вижу мужа и собаку. Она висит у него на руках и капает кровью на пол. Дочь в дверях своей комнаты дрожит голосом «я, кажется, сплю...», выходит из своей комнаты старший сын, делает небольшой круг – совсем как собака, отчаявшаяся большая собака! – и укореняется в проеме двери. Издалека слышен скулеж младшего. Я очень деятельна. Внутри застыла, но снаружи – причитаю, говорю «как это страшно, как мне страшно!» – беру одеяло, заворачиваю в него пса, договариваюсь о том, что мы едем в ветеринарную клинику. В таком же замороженном и дрожащем внутри состоянии доезжаем до клиники. Там его слушают. Он не подает признаков жизни. – Ну, что же вы. Так говорят нам, разводя руками. Мы отдаем его на кремацию. Спрашиваем, сколько стоит индивидуальное кремирование, нам озвучивают такую сумму, что мы отказываемся от этой идеи. Расплачиваемся, уезжаем. В машине муж рассказывает мне о случившемся: он звал его, звал, тот не шел. А машина поехала – прибежал. И – под задние колеса. Визг, шлеп... Машина уехала: видимо, водитель и не заметил маленькое тельце на снегу. После старший сын плакал, уткнувшись в переноску. Сделал себе иконостас из переносок, пufиков и игрушек щенка. На наши сетования о своей вине – муж винил себя в том, что произошло, дочка – в том, что не пошла гулять в этот день сама, я... в общем винила себя во всех смертных грехах, чувствуя себя главой семьи – говорил: «Думайте о нем. Не о себе. О нем!» Маленький кидался снежками и получал в школе от товарищей, чтобы поплакать. Девочка рисовала, рассуждала, почему же она не плачет, писала посты и делала фотки. А я... Я тоже сделала пару фильмов. В понедельник – этот кошмар случился в субботу – открыла дверь своим ключом, не на много, чтобы не выскочил... А его не было. Никого не было. Я закрыла за собой дверь и разрыдалась. Я плакала в голос. И потом плакала – поставила себе песню в машине «Все, как вчера, но без тебя», и плакала под нее. Стала приходиться с работы раньше старшего сына, кормить его, чуть не стала прекрасной матерью.

А потом я завела кошку.

А через год спасла котенка.

Они оба спят в переноске Масика.

Rest in peace.

Иль Си Яр

Сначала было имя.

Иль си Яр.

Оно светилось и как будто настойчиво требовало от ИЛя-отца воплощения.

ЯРостно ЯРкого, СИльного и СИяющего.

«Так тому и быть», – решил отец. И однажды Он поместил Иль си Яр на иссохшую рас­трескавшуюся землю, бережно пристроив в ложбинку между двух камней, на прощанье легким щелчком придав ей силу и гибкость сверкающей бронзовой ящерицы. Иль си Яр ловко вывер­нулась из огромных теплых пальцев отца и сердито, по-младенчески переваливаясь, уюркала в расщелину.

Долгое время она не давала о себе знать.

И вот однажды в городе появилась маленькая девушка.

Можно сказать, юркнула: как-то просочилась через главные ворота и, сливаясь с вьющи­мися по городской стене лианами, сама как свежее трепетное растение, которое питают струйки ручья, по нему же и стекающие – ах, как лучи солнца искрились в той прозрачной чистоте, и что, если не струи воды, обволакивало пришелицу! – скользнула к дворцовой площади. Это и была Иль си Яр. Навстречу ей в задумчивости быстро вышел молодой Будущий Воин, и, не успев затормозить, всей своей мускулистой массой врезался в прозрачные струи и хлестнув­шие его в ответ мощные листья. Иль си Яр вздрогнула всем стеблем, но удержалась на ногах, тем более что юноша быстро пришел в себя и бережно обхватил ее, наслаждаясь благоухаю­щими прохладными потоками и переливами. После минутного замешательства они сплелись еще теснее, и в них зачался, а затем и родился Танец. И они двигались в своем Танце по пло­щади, обволакивая друг друга яркой силой и вселенской нежностью. Это продолжалось до тех пор, пока Иль си Яр не стала задыхаться от городской пыли и жарких объятий. Он не понимал, что происходит. Встряхивал ее, пытаясь помочь воспрянуть, дул в лицо, сжимал еще крепче, тащил к фонтану – Иль си Яр становилось все хуже и хуже, она чахла, увядала, иссыкала, теряя жизненный сок, истончалась... В изнеможении она из последних сил скользнула вниз из рук, в тот миг показавшихся ей тисками, и уткнулась в расщелину мощной булыжником мостовой.

Помимо этого случая появления Иль си Яр были зафиксированы в разных местах и опи­саны сказителями. Всякий раз она исчезала, но довольно быстро обнаруживалась в другом месте.

Как-то раз Иль си Яр возникла в некоей деревне. Она полностью восстановилась после очередной истории, только еще больше стала похожа на вертлявую блестящую ящерку. Заме­тив ее, стайка молодых парней и девушек, игравших неподалеку, приблизилась, окликающая, под­суживая и увлекая за собой. В круговороте игр и танцев юные весельчаки уходили все дальше в заросли, и самый проворный парень все чаще прижимал Иль си Яр к гладким веткам кустар­ника. У них начинался свой Танец. Поначалу Иль си Яр светилась от смеха и восторга. Но вот она снова стала задыхаться. Парень, прижавший ее в очередной раз к стволу, замер в изум­лении, ощутив на своей коже вместо прохладных струй и нежных листьев нечто упругое и неподвижное. Отпрянув, он не сразу разглядел перед собой зеленое земноводное, застыв­шее на стебле кустарника и практически слившееся с ним. Иль си Яр, которая на этот раз не успела вовремя скрыться у себя в недрах земли, застыла в образе. Поахав и погоревав о подруге, резвый молодняк унесся в деревню. А неподвижная, холодная Иль си Яр осталась в зарослях. Она бы задрожала от страха, если бы смогла пошевелиться. Но ей казалось, что в этом образе она не умеет двигаться. Поэтому страх темными волнами плескался у нее внутри, не находя выхода. И тогда она взмолилась к отцу: «Господи, помоги мне! Ты создал меня силь­ной и подвижной, сияющей и гибкой, а сейчас я камень, сейчас я – бесполезное неподвижное

тусклое существо... Помоги! Что мне делать теперь? Где оно, имя, давшее мне жизнь? Куда ты забрал его?!»

Великий Иль дотронулся до нее рассветным лучом – и Иль си Яр заблестела в нем. Он бережно и постепенно вложил в нее понимание того, что движение и сила могут проявляться по-разному. Она замерзла бы, если б не была хладнокровной. Она упала бы, если б не была такой бесконечно цепкой. Она стала бы добычей хищников, если б не слилась с веткой и не стала ей. Постепенно страсти, рвущие ее нутро, охладились, успокоились. В какой-то момент Иль си Яр заметила, что медленно движется по своей ветке, лапка за лапкой, почти незаметно.

Прошло долгое время тишины. Иль си Яр чувствовала себя в безопасности, она была частью природы, частью мира, легко добывала пищу и не боялась стать пищей. Издалека наблюдая за человеческими играми и танцами, она отстраненно грустила, провожая чувство влюбленности, всегда раньше дававшее питание ее мощным листьям. Грусть растворялась, распределяясь по каждой ее клеточке, и каждая клеточка теплела и искрилась под солнцем. Внутри нее звучало: «Мое имя – со мной, моя сила – со мной, и я... в ярости?!» Да, в ней нарастало что-то незнакомое. Это была какая-то новая, задорная и бурная ярость, которой Иль си Яр доселе не испытывала.

А знала ли она, что такое радость? Влюбленная Иль си Яр хохотала, струилась и кружилась, была счастлива, становясь частью совместного танца – но знала ли она, что такое радость? Младенцем она часто испытывала досаду, сила ее злости помогала непокорному существу пробиваться сквозь разной плотности слои своей земной – и подземной – жизни, справляться, преодолевать. Да, это было короткое удовольствие от преодоления, минутное торжество победы – перспектива вгрызаться в следующую задачу мешала насладиться триумфом, гнала дальше – но знала ли она, что такое радость?...

Расцветающее все сильнее и шире незнакомое чувство уже не уместилось внутри хладнокровного существа. И вот однажды взорвалась ее новая ярость яркой вспышкой. Исчезла Иль си Яр, только россыпи звонкого смеха осыпались на землю.

И кто знает, где она появится снова в следующий раз.

Иль си Яр.

Гибкая, юркая бронзовая ящерка.

Струющаяся вечнозеленая маленькая девушка.

Царственная игуана.

Умный хамелеон.

Ведь Иль си Яр с тех пор может перевоплощаться так, как ей хочется.

В королевских покоях она степенна, расслаблена и практически неподвижна, ибо нет суеты в верховности.

В деревнях и селах – то девица, то ящерка, оставляющая хвостик в слишком настойчивых руках.

В тревожных условиях она сливается с ландшафтом, становясь практически невидимой. И всегда легко ускользает оттуда, где задыхается, и остается там, где много воздуха и пространства.

Иль си Яр исчезающая.

Иль си Яр остающаяся.

Возможно, она где-то среди вас.

Еще раз о козочках

В нашем классе был один мальчик с отличительной особенностью.

Конечно, в каждом классе был какой-нибудь такой мальчик, или девочка, а то и несколько выдающихся в том или ином плане ребят. Особенность могла быть какой угодно: необычная походка, речь, вид, стиль... И это я при перечислении «видовых признаков» еще не всех своих «особенных» одноклассников вспомнила. А тот мальчик, о котором идет речь, был очень мал ростом. Значительно ниже меня – и это что-нибудь, да значит для тех, кто со мной и моим небольшим размером хоть раз сталкивался.

Сереза – так его звали в числе нескольких тезок, причем всегда звали, не забывали и не издевались, как злым подросткам полагается, и была на то причина в виде его верного большого, авторитетного друга и защитника Дениса, – так вот, Сереза был абсолютным двоечником. Из тех спокойных, непробиваемых никакими учительскими назидательствами и ругательствами двоечников, на которых легче махнуть рукой, чем пытаться наставить на путь истинный. Единственным отличием его школярски-отстойного статуса по сравнению с остальными «неучами», незаметно дремавшими за задними партами, было месторасположение: из-за маленького роста Серезу сажали вперед.

Три веселых и волнительных года, с шестого по восьмой класс – эквивалентных нынешним седьмому-девятому – Сереза, сидя вполборота за первой партой у двери, занимался исключительно тем, что смотрел на меня, центрально обосновавшуюся в среднем ряду за третьей партой. Это была еще одна его отличительная особенность: стесняясь отвечать у доски, тушуясь от любого взгляда, обращения в свой адрес, он не пытался скрывать свой интерес – сомневаюсь даже в том, что этому странному мальчику довелось хоть раз увидеть за эти годы вырезанные на его парте надписи, осознанно посмотреть на доску и вообще понять, какого вектора ждут от него учителя, сажая перед своим носом. В плохом настроении какой-нибудь учитель мог взречь – или устало и раздраженно прошелестеть: «Тимофеев, повернись вперед», к этому все привыкли, смешки и тщательно заряженное контекстом пубертатной тяги протяжное «оооооооо» одноклассников иссякли очень быстро, не встречая особенного отклика с его стороны, а уж с моей-то и подавно: Эсмеральда танцевала с козочкой и песенкой, шелкая приятным и остропроявленным мальчишкам задачки, переругиваясь с учителями, интенсивно в стихах, дневниках и реальной жизни придумывая себе разного толка Солнцеподобных, зачастую – негодяйской направленности.

«Тимофеев, повернись!» – а часто и мое фырканье: «не мешай, отвернись!» – приводило к тому, что Сереза, еще больше съежившись, перекручивался чуть в бок, принимая позу, которая оставляла возможность откуда-нибудь из-под плеча нахохленным птенцовым взглядом продолжать сверлить намоленный эгрегор.

Где-то в седьмом классе к середине года мальчишек затянуло в новое увлечение: кто-то принес фотоаппарат, и одно время в классах и коридоре то и дело слышались щелчки, народ играл в папараццы, повсюду звучали шлепки и недовольно-кокетливое шипение – девчонки пытались защитить свое хихикающее достоинство, отстаивали права, – взлетали указующие персты: «во, давай, подсекай», а на переменах ставшие ненадолго неопасными (все прически, заколки, канцпринадлежности и милые девичьи мелочи в тот период оставались в неприкосновенности) парни группировались кучками, рассматривая и обсуждая проявленные, видимо, в ванной, результаты своих трудов, обмениваясь ими и получая новые заказы.

Никогда ребята не показывали нам, что получилось. Конечно, было интересно! В то время с фотографиями вообще было сложно, от большой надобности запечатлеться надо было идти в фотомастерскую к назначенному времени, строить серьезное лицо («голову выше, стул

не двигать, замереть, смотреть сюда!»), а через неделю томительного ожидания рыдать над изображением незнакомой уродливой – а иначе бывало редко – девочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.